

«Философские начала» в исследовании экономики^{*}

“Philosophical Principles” in the Study of Economics

Л. ГАРАЙШИНА

Гарайшина Лена Шамилевна, аспирант Уфимского университета науки и технологий. E-mail: baplays2012@bk.ru

В статье прослеживается эволюция философских основ экономической методологии – от синкретического мышления представителей древних обществ до современных вычислительных и экспериментальных приемов. На примере Бэкона и Декарта показано, как индукция и дедукция формировали научный метод Нового времени, а Аристотель и Юм заложили основы понятий дедукции и индукции. Рассматриваются диалектика Гегеля, «понимающее объяснение» Вебера, институциональный подход Норта и Острома, а также некоторые аспекты феноменологического и герменевтического анализа. Внимание уделено поведенческой экономике, методам анализа «больших данных», их философским основаниям и перспективам интеграции классических категорий с современными технологиями.

Ключевые слова: философия науки, методология, экономика, дедукция, индукция, диалектика, феноменология, институционализм, поведенческая экономика.

This article traces the development of philosophical underpinnings in economic methodology — from the syncretic cognition of ancient societies to modern computational and experimental techniques. Through the works of Bacon and Descartes, it shows how induction and deduction shaped the New Age scientific method, while Aristotle and Hume introduced key concepts and critiques of induction. It examines Hegelian dialectics, Weber's «understanding explanation», North's and Ostrom's institutional analysis, as well as phenomenological and hermeneutic approaches. Special focus is given to behavioral and neuroeconomics, complexity economics, and Big Data methods, their philosophical bases, and prospects for integrating classical categories with cutting-edge technologies.

Key words: philosophy of science, research methodology, economics, deduction, induction, dialectics, phenomenology, institutionalism, behavioral economics.

Введение

С развитием экономической науки все более отчетливым становится понимание того, что если экономическая теория является методологической основой всех конкретно-экономических наук, то в качестве методологической основы экономической теории, в свою очередь, выступает философия.

В связи с этим целью настоящей работы является выявление взаимосвязи философии и экономики. Для достижения поставленной цели решается следующая задача: проследить генезис и проанализировать основное содержание важнейших философских подходов, применяемых в экономике.

Основная часть

В древних обществах, когда знания о религии, медицине и технике существовали в органическом единстве, четкого разделения на «дисциплины» еще не было – познавательная синкретичность формировала целостный миропорядок, где практические приемы и мифы не могли быть противопоставлены друг другу, а знания вкуче воспринимались как отражение целого бытия. Тогда, по сути, любая наука (или, скорее, протонаука) была философией, т.е. наукой о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. С переходом к эпохе Возрождения и Нового времени возникает потребность в выверенном взаимоотношении опыта и

^{*} Ссылка на статью: Гарайшина Л.Ш. «Философские начала» в исследовании экономики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 3. С. 152–155. DOI: 10.34773/EU.2025.3.28.

чистого разума: Фрэнсис Бэкон в «Новом Органоне» [2] формулирует метод индукции как основу вывода общих закономерностей из упорядоченных эмпирических наблюдений, тогда как Рене Декарт в «Рассуждении о методе» предлагает дедуктивный путь, основанный на ясных и отчетливых идеях, выведенных посредством методического сомнения [7]. Еще в античные времена Аристотель в «Аналитиках» различал два основных способа вывода: умозаключения, которые гарантируют истинность при истинности посылок (дедукция), и индуктивные обобщения частных наблюдений в универсальные положения; при этом именно индукция в своей «ампликативной» природе расширяет и углубляет эмпирическое знание [1]. Проблему обоснования индуктивных выводов ярко обозначил Дэвид Юм, доказавший бесконечную регрессию апелляций к прошлому опыту и поставивший под сомнение любую возможность «познать неизведанное» без круговой аргументации [14]. Георг Гегель, развивая метод, рассматривает диалектику как движение мысли и бытия через единство и борьбу противоположностей, где каждое понятие несет в себе свое «отрицание» и лишь в синтезе достигает более высокого уровня всеобщего осмысления – процесс приведения в движение, лежащий в основе исторического становления социальных и экономических структур [5].

Макс Вебер настаивал, что экономические феномены нельзя понять без «понимающего» анализа мотивов и смыслов, которыми руководствуются отдельные индивиды; методологический индивидуализм, предложенный им, подчеркивает, что социальные и экономические явления являются результатом сознательных действий [3].

Дуглас Норт, развивая институциональный подход, показал, что формальные и неформальные «правила игры» определяют экономическое поведение и траектории долгосрочных изменений, и что без учета транзакционных издержек и путей зависимости от установленных институтов невозможно объяснить разнообразие экономических результатов в разных странах [10].

В XX веке феноменологические и герменевтические направления принесли в экономический анализ важность описания «жизненного мира» агентов: Эдмунд Гуссерль определил феноменологию как науку о сущностях сознания, подчеркивая метод «редукции» (приведение к обратному) к самому опыту [6], Альфред Шюц привнес категорию «типизаций» и «межсубъектности» в социологию, когда показал, как люди конструируют экономические практики на базе повседневных значений [13], а Ханс-Георг Гадамер в «Истине и методе» указал, что любое понимание есть всегда интерпретация слияния «горизонтов» исторического контекста текста и интерпретатора [4].

Современная поведенческая экономика берет свое начало в критике классической модели «человека-экономиста», предложенной Гербертом Саймоном, который впервые обосновал, что реальный акт принятия решения всегда ограничен когнитивными ресурсами индивида и поэтому не может следовать идеальной модели максимизации полезности [11]. Даниэль Канеман и Амос Тверски систематизировали эти ограничения, выявив ключевые искажения – репрезентативность, доступность и якорение – которые определяют отклонения человеческого выбора от рационального стандарта [8]. Их же теорию перспектив, в которой потери ощущаются гораздо сильнее соответствующих выигрышей, можно считать переосмыслением вопроса о критериях истины в условиях риска [9].

Индийский экономист Амартия Сен доказывает, что традиционные показатели, сводящие благосостояние к уровню дохода или потребления, упускают из виду внутреннюю свободу человека – его способность «быть тем, кем он хочет» и «делать то, что он ценит». Он называет эту перспективу «подходом возможностей» (capability approach): важно не просто иметь ресурсы, но и реально превращать их в значимые для себя функции – например, жить без болезней, участвовать в общественной жизни, выражать свои мнения [12]. И. Робейнс подробно разбирает, как этот подход задает новую методологическую базу для оценки экономического прогресса через призму свобод личности [16]. Амартия Сен показывает, что расширение реальных свобод одновременно является средством и целью развития, и предлагает эмпирические способы измерения «эквивалентных доходов возможностей», что делает экономические модели более

гибкими и человекоориентированными [12]. Появление «больших данных» и методов машинного обучения в эконометрике породило новые философские вопросы о природе эмпирического знания и о методе. Хал Варян подчеркивает, что высокая размерность данных требует новых критериев отбора переменных и регуляризации, а сама практика построения моделей все больше опирается на алгоритмы, способные «учиться» из потоков данных [17]. Проблемы «больших данных» – что является истинно информативным, а что «шумихой» – подробно обсуждает Лукачино Флориди в работах по «эпистемологии информации» и «этике данных», где он рассматривает роль вопросов, формулируемых исследователем, как определяющий фактор ценности собираемых данных [15].

Соединяя дедуктивные и диалектические приемы с реальными экспериментами и современными вычислениями, мы выстраиваем гибкую методологию, которая дает возможность одновременно работать со сложными социальными структурами и большими объемами данных. Критический взгляд позволяет отличать то, что мы непосредственно наблюдаем, от скрытых причинно-следственных связей. Подход к информации помогает контролировать качество данных и сделать их пригодными для машинного обучения и анализа «больших данных». Идея комплексного мышления предполагает восприятие экономики как единого целого, где участники и институты тесно переплетены. Вычислительные инструменты – от агент-ориентированных моделей до методов двойного машинного обучения – позволяют воссоздавать возможные сценарии и выявлять причинно-следственные связи в сложных многомерных массивах данных. При этом равновесие на макроуровне оказывается не исходным допущением, а естественным результатом постоянного взаимодействия разных агентов. Классические категории – рационализм, эмпиризм, диалектика и герменевтика – не просто сохраняют свою актуальность, они приобретают дополнительную мощь, когда методологически сочетаются с современными вычислительными инструментами. Такой синтез позволяет одновременно поддерживать строгие онтологические основания экономической науки и расширять ее эмпирические возможности, а также формировать более гибкие и устойчивые модели для анализа глобальных экономических процессов.

Заключение

Таким образом, мы видим, что методологические инструменты современной экономической науки тесно переплетаются с философскими вопросами о том, как именно устанавливаются причинно-следственные связи и какие допущения при этом делаются.

В ближайшие годы мы увидим все более тесное внедрение «философии алгоритмов»: философы и экономисты будут совместно разрабатывать «этические слои» для моделей машинного обучения, чтобы встроить принципы справедливости и прозрачности на уровне кода. Философские концепции «структурного реализма» и «информационного абсолютизма» позволят по-новому обсуждать проблемы цифрового суверенитета и «прав на забвение» в экономике данных.

На основе трансдисциплинарных платформ, опирающихся на критический реализм и комплексное мышление, будут разрабатываться гибридные методологии – объединяя кейс-стади, массовые эксперименты, агент-ориентированное моделирование и аналитику «больших данных» – для проектирования экономической политики в условиях «поликризиса». Возрастет значение философских исследований, направленных на реструктуризацию «профилей причинности» в многомерных системах: от климатической экономики до цифровых платформ, где причины и следствия переплетены настолько тесно, что традиционные методы демаркации уже не справляются.

Таким образом, экономическая наука XXI века будет основана на синергии классической философии познания и передовых вычислительных технологий – это не просто объединение инструментов, но построение новой методологической парадигмы, где глубокое онтологическое понимание и точная эмпирическая верификация станут двумя сторонами одной медали.

Литература

1. Аристотель. Первые и Вторые аналитики / пер. Б.А. Фохт. М.: Юрайт, 2025. 329 с.
2. Бэкон Ф. Новый органон / пер. С.В. Красильщикова. М.: Юрайт, 2025. 242 с.
3. Вебер М. Хозяйство и общество. М., 2019. 864 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основные исследования по философской герменевтике. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гегель Г. В. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию. М., 2009. 640 с.
7. Декарт Р. Рассуждение о методе. Разыскание истины. Размышления о первой философии / пер. Г. Слюсарева, С. Шейнман-Топштейн. М., 2022. 368 с.
8. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. М.: Ин-т приклад. психологии «Гуманитарный центр», 2005. 632 с.
9. Канеман Д., Тверски А. Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска [Электронный ресурс]. URL: <https://ideas.repec.org/a/scn/semem/v51y2015i1p3-25.html>
10. Норт Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд «Начала», 1997. 294 с.
11. Саймон Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления [Электронный ресурс]. URL: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf
12. Сен А. Развитие как свобода. М., 2004. 357 с.
13. Шпечян П. Экономика в феноменологической перспективе: А. Шюц против Т. Дюппе // HORIZON. 2019. Т. 8, № 2. С. 613–631.
14. Юм Д. Исследование о человеческом разумении / пер. с англ. И.В. Кучеренко. М.: Рипол-Классик, 2022. 336 с.
15. Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence. Oxford: Oxford University Press, 2018. 240 p.
16. Robeyns I. The Capability Approach: A Theoretical Survey // Journal of Human Development and Capabilities. 2006. Vol. 7, № 1. P. 93–117.
17. Varian H. R. Big Data: New Tricks for Econometrics // Journal of Economic Perspectives. 2014. Vol. 28, № 2. P. 3–28.